

прекраснаго, вольнодумнаго, отрицающаго, врагомъ и отрицателемъ всего этому противоположнаго; его стремленія направлялись „отъ центра духовной жизни къ противоположному полюсу бытія, во власть темной силы или темныхъ силъ“... Авторъ бесѣды не считаетъ точнымъ выраженіе Достоевскаго о Пушкинѣ, какъ о „всечеловѣкѣ“. Онъ считаетъ его человѣкомъ двойственнымъ, плотскимъ и духовнымъ, безнравственнымъ и возвышеннымъ, безбожникомъ и вѣрующимъ. Жизнь его, по взгляду автора, именно была жизнью библейскаго блуднаго сына. Стихотвореніе „Безвѣріе“ представляетъ глубоко трагическую картину, списанную съ него самого; онъ знаетъ священное писаніе, но злоупотребляетъ этимъ знаніемъ. Изъ стихотвореній Пушкина авторъ „бесѣды“ собираетъ сводное изображеніе тѣхъ колебаній, которыя наполняли внутреннюю жизнь поэта, когда, напр., онъ обращался воспоминаніемъ къ увлеченіямъ своей юности, „утраченной въ безплодныхъ испытаніяхъ“, къ „самолюбивымъ мечтамъ“, къ „утѣхамъ юности безумной“; когда сознавалъ, что „въ часы забавъ иль праздной скуки“, онъ вѣрялъ своей лирѣ изнѣженные звуки безумства, лѣни и страстей, — хоть и тогда уже „струны лукавой невольно звукъ онъ прерывалъ“, и „лилъ потоки слезъ неожиданныхъ“, и искалъ цѣлебнаго еля ранамъ своей совѣсти... Авторъ „бесѣды“ припоминаетъ, что, спасаясь отъ „обидъ хладнаго свѣта“, а главнымъ образомъ отъ „пустоты собственнаго сердца и отъ безцѣльности жизни“, онъ не разъ призывалъ къ себѣ и смерть, обсуждалъ намѣреніе самоубійства, три раза дрался на поединкахъ, — въ послѣдніе дни жизни „давно призываемая имъ смерть стала у него за плечами... Глухая пуля, пущенная не особенно мудрою, и потому не дрогнувшею рукою, нашла виноватаго и свалила гордаго, и въ эту минуту, своимъ упорствомъ мудреца. Да, и въ эту роковую минуту ему мало стало самому быть убитымъ; ему непремѣнно хотѣлось быть еще и убійцею“... „Да, грѣхъ гнался за нимъ по пятамъ его, какъ левъ, и растерзалъ его своими когтями. Осталось только испустить духъ, предавъ его въ руки ли Божіи или же врага Божія, исконнаго человѣкоубійцы“.

Пушкинъ, по словамъ проповѣдника, принадлежитъ къ числу величайшихъ людей россійской исторіи. Вліяніе народныхъ вождей или вовсе не простиралось на все человѣчество, или давно кончилось; но вліяніе поэтовъ, ораторовъ, философовъ простирается во всѣ концы земли, переживаетъ тысячелѣтія. „Таковъ и нашъ Пушкинъ, величайшая слава нашего отечества, настоящее и будущее всемірное вліяніе русскаго гениа и русскаго духа“. —